

отрицательную оценку, а подчас и более резкую давали русским житиям, написанным в стиле второго южнославянского влияния, и историки русской церкви, и историки древнерусской литературы. Так, например, А. С. Орлов, характеризуя особенности второго южнославянского влияния в агиографии, соглашался с тем, что под влиянием южнославянских житий в севернорусской агиографии появились произведения, отличающиеся изысканностью фразеологии и пышностью стиля, в которых вместе с тем снизилась историчность, реальность содержания. Но, по мнению А. С. Орлова, «несмотря на то, что и югославянские и русские жития этого риторического типа имеют общие черты, в комплексе этих черт заметна большая разница. Русские жития риторического типа в массе более бессодержательны и шаблонны и неразборчивы в пользовании тропами и фигурами».¹² Как видим, А. С. Орлов давал русским житиям, написанным в стиле второго южнославянского влияния, более низкую оценку не только по сравнению с предшествующими русскими житиями, но и по сравнению с южнославянскими, считавшимися образцами для древнерусских. Думается, однако, что вопрос этот гораздо сложнее и ждет еще обстоятельного исследования. Как справедливо отмечает Д. С. Лихачев, в основе явлений русской литературы, объясняемых вторым южнославянским влиянием, лежали внутренние причины, обусловленные развитием русского общества, и оценивать изменения в литературе, связываемые со вторым южнославянским влиянием, как какое-то отступление, замедление в развитии русской литературы, как эпигонство у нас нет никаких оснований.¹³ Если подходить к житиям только с точки зрения их ценности для нас как исторического источника, то бесспорно В. О. Ключевский прав, когда сетует, что жития XIV—XV вв. за счет усиления риторичности, увлечения общими местами теряют свою историческую ценность. Если видеть в риторичности, в словесной изощренности только недостаток, то жития периода второго южнославянского влияния должны быть признаны более несовершенными, чем предшествующие им агиографические произведения, отличающиеся большей простотой и лаконичностью и полнее отражающие исторические события. Но если подходить к этим явлениям с точки зрения не источниковеда, а литературоведа, то мы должны иначе оценивать изменения, возникшие в агиографическом жанре в конце XIV—XV в. Уменьшение историчности житий в плане отражения в них действительных фактов из жизни святого наряду с обострением внимания к форме произведения, к его языку свидетельствуют об изменении литературных требований, литературных вкусов. А это в свою очередь говорит о том, что жития нельзя расценивать лишь с точки зрения их церковно-религиозного значения, а необходимо подходить к ним и изучать их как памятники древнерусской литературы. Давая же литературную оценку житиям периода второго южнославянского влияния, необходимо учитывать в первую очередь то, как относились современники к изучаемым нами памятникам. В этом отношении очень показательна оценка, которую дал летописец «Житию Михаила Клопского» в Тучковской редакции: «И преже бо написано бысть, но непрестанно и неявленно, сиречь велми просто, понеже бо егда сего святаго Михаила явление бысть и житие и чудеса, тогда человецы в Новеграде еще быша не велми искусни божественнаго писания. Сей же вышереченный Василей (Тучков, — Л. Д.), по благословению пресвященнаго архиепископа Макария, ветхая понови и распространи явление, житие и чудеса преподобнаго, и все по чину по-

¹² А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.—Л., 1945, стр. 209—210.

¹³ См.: Д. С. Лихачев. 1) Некоторые задачи; 2) Культура Руси.